

«СВИСТОК» И ЕГО ВРЕМЯ ОПЫТ ИСТОРИИ «СВИСТКА»

**Познай себя.¹
Сократ.**

«Свисток» пишет свою историю главным образом и вообще для истории, для науки, для истины, которая сама для себя есть цель; а потом уже в частности и для того, чтобы в своем прошедшем почерпнуть урок и назидание для деятельности в будущем. «Свисток» смело и не боясь никаких возражений может сказать, что он, подобно другим ученым и литературным изданиям, имеет славное прошедшее и надежду на великое будущее, что и ему есть на что оглянуться назад и посмотреть вперед. Этого краткого предисловия и достаточно для истории, которая также будет краткою.

В то время, когда, несмотря на вековую отчаянную мольбу московской Руси — «не будите меня на заре»², ее все-таки разбудили и, как нарочно, именно на заре великого дня, занявшейся по мановению какой-то волшебной десницы, когда могучий богатырь, тысячу лет сиднем сидевший и от нечего делать сладко дремавший, наконец, проснулся, машинально протер сонные глаза, погладил усы и бороду, когда пробудились его мощные силы и запросились к энергической деятельности, когда все устремилось к гласности, поплелось к свету навстречу восходящему солнцу и, оживленное его теплотворными лучами, встрепенулось и закопошилось, когда многочисленные вопросы один за другим стали подниматься, словно грибы после дождя, — в это-то

многознаменательное время явился на свет и «Свисток» с ясным сознанием своей задачи, с светлою мыслию о своем призвании, с печатню на челе, с огнем в груди, с ядом в устах, но с удивительным незлобием и добродушием в сердце. Появление его не было предвозвещено ни трубными и барабанными звуками стоустой молвы, ни широковещательными и соблазнительными голосами печатных объявлений и вообще не было предшествуемо ни одною из тех приговорительных торжественных церемоний, которые сопровождают обыкновенно рождение не только новых журналов, но почти каждой, иногда самой пустой статейки, заранее обещаемой читателям как драгоценный подарок и всегда почти представляющей собою подобие мышонка, рожденного горою. «Свисток» явился просто и

268

скромно, без официальных представлений; высказал свою задачу, заявил свои тенденции, и — «защелкал, засвистал на тысячу ладов». Повсюду воцарилось глубокое торжественное молчание; «внимало все тогда любимцу и певцу Авроры»³, то есть собственно зари, пробудившей спавшую московскую Русь, — внимало все, но не все хотело сознаться и показать вид, что внимает. Бесхитростная и откровенная публика внимала и не скрывала своего мнения; некоторые господа «внимали свист уже привычным ухом»⁴, уставясь на землю лбом⁵. Но ученые и глубокомысленные мужи притворились, будто вовсе не замечают «Свистка», будто свист его вовсе не доходил до их ученых ушей и уж никак не производил на них определенного и сильного впечатления; своим презрением они надеялись убить «Свисток» в первые дни

его жизни. Но проницательный «Свисток», на основании своего глубокого знания природы человеческой вообще и ученой в особенности, сразу же отгадал эту притворную невнимательность, это преднамеренное, неестественное презрение; он наверное рассчитывал, что его свист болезненно и злобовозбудительно отдается в их звонких головах и сердцах, окованных мудростью и как раз приспособленных для резонанса; он знал, какие чувства волнуют бумажные груди его собратьев, и потому их молчание принимал за «умысел иной»⁶; вследствие этого он тотчас же напрямки объявил, что ученые просто <делают вид, что> только игнорируют «Свисток». Таким образом, маска с ученых мужей была сорвана. Пред глазами всех открылось умиленное и вместе забавное зрелище! Юный «Свисток» вдруг перехитрил целый сонм ученых, поседевших в самых искусных академических диспутах и диалектических маневрах! Нечего было делать, солидные мужи бросили свою прежнюю роль, которая, вследствие проницательности «Свистка», становилась уже отчасти смешною, решились выдвинуть против него свою тяжелую—претяжелую артиллерию, усовершенствованную Михаилом Петровичем Погодиным, остроумным московским Армстронгом и Уайтвортом⁷, и положили с этого времени действовать против «Свистка» научнообразно, по преимуществу филологически. И вот на горизонте литературы собралась грозная туча, засверкали молнии, слышались удары грома, завывала буря затем собственно, чтобы заглушить веселый свист. Все в литературе озлобилось на бескорыстных «рыцарей свистопляски»⁸. Озлобление доходило до того, что «Свисток» имел удовольствие встречать в печати следующие фразы: «Что если бы, — говорилось в одном журнале, имени которого «Свисток» не назовет из снисходительности, — этот свист раздался, не говорим в

Германии и Англии, но даже в теперешней Франции? Там бы общество ответило на него *личной расправой*, которая весьма действительна для лиц, скрывающихся под псевдонимами». Всякий поймет, что значило это указание в переводе на обыкновенный язык. Впрочем, тогда же нашлись люди, которые посоветовали литераторам «перестать биться и драться»⁹. Этот совет, вероятно, возымел свое действие. Затем противники «Свистка» стали придумывать планы, как бы остановить свист, — до того было нестерпимо для них его действие. Эти планы предлагали всему русскому обществу предпринять крестовый поход против «Свистка» и запретить ему свист. В планах говорилось, между прочим: «Как только раздался «Свисток», его могло остановить общество. Какое же наше общество?»

269

Наше общество молодо в литературном деле»; т. е. наше общество не созрело и потому не остановило «Свистка». Удар был направлен на самую чувствительную струну общества, которое тогда сильно раздражалось упреками в незрелости. Планы оканчивались вопросом: «Чья же это обязанность (остановить Свисток)? Конечно, не правительства, которому не усмотреть за всеми мелочами (а если б усмотрело?)» По долгу исторического беспристрастия «Свисток» мог сказать, кому принадлежали такие планы¹⁰, но он умалчивает об этом и надеется, что его великодушие будет достойно оценено. Само собою разумеется, что все нападения и грозные планы нисколько не ослабили энергии «Свистка»; ученый мороз не мог охладить жар его юной крови и серьезное наукообразное ворчание не заглушило его свиста, подобно тому, как однообразный и глухой шум выпускаемых паров

на стеклянном заводе или на бумагопрядильной фабрике не может заглушить пронзительного и всепроницающего свиста самого последнего локомотива на С.–Петербургско–Московской железной дороге. «Свисток» неутомимо работал, смело и решительно шел к своей цели и таким образом достиг второго периода своей истории.

В этом периоде отрадное и утешительное зрелище открывается для «Свистка»; его идеи мало–помалу прививаются к литературе; обвинения, на него взведенные, падают; орда врагов его редет и гибнет; его заслуги ценятся; его завоевания признаются; его теории крепнут и популяризируются; ученые соседи в сношениях с ним принимают даже заискивающий вид. Излагать историю «Свистка» в этом периоде — значит повествовать об его победах и славных деяниях. Скажите в самом деле, кто умерил неумеренные и, можно сказать, безумные восторги русские? Кто проник в истинный смысл колоссальной фразы «в настоящее время, когда»¹¹ и проч.? Кто измерил океан глубокий нашего прогресса? Кто сосчитал пески, лучи нашего развития? И если теперь, при треске напыщенных речей о быстроте нашего развития, у каждого на устах блещет улыбка — скажите, кому как не «Свистку» она обязана своим происхождением? Кто оценил музу Розенгейма, понял фальшивость ее звуков? Кто анализировал литературный талант и филантропические тенденции Кокорева? Кто понял Москву и сомнительное величие московских деятелей? Кто, в состоянии прозрения, пророчески созерцал настоящую судьбу «Русского вестника»? «Время» говорит теперь, что оно первое восстало против авторитета «Русского вестника»¹², тогда как история свидетельствует, что «Свисток» разбил пьедестал, на котором стоял этот знаменитый журнал, еще тогда, когда «Времени» и на свете не было. Но мы никогда не кончили бы, милостивые

государя, если бы захотели подробно исчислять все ученые, литературные и общественные заслуги «Свистка». Для полноты картины остается еще указать на самую капитальную заслугу «Свистка», относящуюся к русской гласности. Гласность эта обращала на себя преимущественное внимание «Свистка». Он обходился с нею бесцеремонно, насмешливо и даже дерзко и кончил отрицанием ее, что собственно и составляет его заслугу. Но за такую заслугу на «Свисток» посыпались укоры, можно сказать, со всех концов мира. Одни говорили, что «Свисток» топчет молодые всходы гласности. Другие же выражались об его поступках с гласностью таким образом: «Заметив робкость и неловкость гласности,

270

подняли бедную, как говорится, на зубок; насмешка не пощадила ее нового положения в обществе; особенно же в этом глотанье слов нашли что-то очень смешное. Она рассказывает нам, говорили насмешники, что-то и про кого-то; но о каких именно странах, и о каких существах лепечет она, понять невозможно. Так говорили насмешники и недовольные (да, «Свисток» говорил это; ну так что же?). Гостья прислушалась, поняла, в чем дело, оправилась и — вот оставляет она свои робкие движения и заменяет их смелою осанкой (?), становится сама насмешницей. Послышались в устах ее и имена собственные и уже немалое число их произнесла она». Но, несмотря на эти укоры, «Свисток» стоял и стоит на своем и отрицание русской гласности считает своей заслугой, которую должна признать история.

Наконец наступил третий, самый славный период в истории «Свистка». Его идеи торжествуют, покоряют себе

умы; его влияние захватывает обширную сферу; все журналы признают его; об нем пишутся статьи и целые пространные критики; его прямо называют уже «знаменитым». Свист получает право гражданства в литературе; название «свистун» становится почетным, и многие ищут чести быть и называться свистунами. Повсюду обнаруживается стремление подражать «Свистку»; многие журналы заводят у себя юмористические отделы и только из ложного стыда не называют их свистками или антисвистками. Можно было ожидать, что «Свисток», при виде этих неожиданных явлений, придет в восторг, — ничего не бывало; он не восторгался, потому что ожидал их, потому что ему очень хорошо известна была история распространения всех новых идей, как они, хоть с трудом и только мало-помалу, но всегда делаются общим достоянием. Даже ученые мужи, истощив все научные средства в борьбе со «Свистком», сознали свое бессилие, безмолвно преклонились пред ним, поняв наконец, что свист дело важное и благотворное. Под влиянием этой мысли и они решились подражать «Свистку». Какая резкая противоположность между третьим периодом истории «Свистка» и первым! «Свистку» решились подражать те самые люди, которые в первом периоде взывали к обществу, чтобы оно остановило свист и «Свисток», указывали на пример Англии и Германии и называли общество молодым за то, что оно не последовало их внушениям. Для доказательства того, как сильно развилась подражательность «Свистку», достаточно указать на несколько примеров. «Русский вестник», долгие все журналов хранивший личину презрения к «Свистку», признал наконец «Свисток», стал относиться к нему как к равному, вступил с ним в серьезную полемику, занялся учеными исследованиями о «Свистке» и поместил у себя капитальную статью под

заглавием: «Наш язык, и что такое свистуны»¹³. А наконец и сам стал свистать и даже сам откровенно сознался в том, что он свищет. Лучшие, типические образцы его оригинального свиста публика видела в его прошлогодних летних статьях¹⁴. А уж если «Рус. вестн.» поддался свисту, то другие журналы и подавно должны были заразиться свистом. Самым ученым и серьезным между нашими русскими журналами считался журнал, название которого едва ли и нужно произносить, потому что при одном слове «ученый и серьезный» в уме каждого возникало представление об «Отечественных записках». Излишне также упоминать и о том, что «Отеч. зап.» по самому характеру своей природы были не расположены к свисту вообще

271

и к «Свистку» в особенности. Да правду сказать, свист и не шел к лицу «Отечес. запис.», к их строгой физиономии, и внимать их свисту было бы так же странно, как глядеть на пляску и канканирование какой-нибудь 80-тилетней старушки. Однако ж и «Отечественные записки» заразились свистом и прежде всего стали свистать ученым образом. Первая статья со свистом была помещена в них под следующим ученым заглавием на латинском языке: «gesta reipublicae literarum Moscoviensis. Accedunt prolegomena de rationibus criticis et gramaticis controversiae maxime (преимущественно для профессоров классической словесности и греческой философии)»^{14a}. В ней заключались разные остроты сначала насчет всей Москвы, потом насчет «Рус. вестн.» и г-жи Евгении Тур.

Затем «Отечес. зап.» делали несколько попыток формально завести у себя свисток; в числе этих попыток были «Все и ничего» и «Самодур»¹⁵. Из всех свистящих

острот, рассыпанных по этим quasi–свисткам, только одна достойна того, чтобы занимать место в истории и сохраниться на память грядущим поколениям, а именно следующее окончание какого–то стихотворения:

**«Погоди, Громека,
Свистнешь, брат, и ты».¹⁶**

Сбылось ли это предсказание, неизвестно. Даже «Время», болезненное и хилое, по самой природе своей предназначенное для плача и сетования, усиливалось и натужилось свистать, что, конечно, очень вредно действовало на его слабый организм; оно ослаблялось болезненно и раздражительно, и это ослабление в простоте своей принимало за свист; оно сочиняло статьи «со свистом и пляскою, с переодеванием» и т. д., рассуждало о «хлебных свистунах», о «либеральных кнутиках»¹⁷ и т. д. Вследствие этого, подражая той знаменитой мухе, которая говорила некогда: «мы орали»¹⁸, и «Время» говорит теперь о себе: «и мы свистали»! Действительно, свистали; оно свищет и теперь, только в собственный кулак и на собственную шею. Но это уже не относится к истории, это дело текущее. — «Русское слово», несмотря на свою суровость и даже некоторого рода мрачность, тоже усилилось подражать «Свистку» в «Дневнике Темного Человека», который, воображая, что сущность свиста заключается в стихах, просто измучил читателей громадным количеством своих стишков и воспевал в стихах, часто весьма дубовых, такие события, которые не стоили бы самой пошлой прозы. Приведенные примеры ясно показывают, до какой степени свист въелся в умы и сердца, как сильна свисткомания и горячка подражания «Свистку»!

В это—то славное для «Свистка» время на него посыпались удары слепой, но жестокой судьбы; он понес чувствительные, ужасные потери, которые он долго оплакивал и долго не мог забыть. Едва только он успел оправиться после этих потерь, как его поразили новый удар, после которого он уже и не помнит, что было с ним. Помнит только, что для него наступила длинная мрачная ночь и какой—то тяжелый сон... Первые минуты его пробуждения были отравлены сознанием новых потерь...¹⁹ Пробудился он и едва мог дать себе отчет о том, что происходит вокруг него; в самом деле, как много воды утекло в продолжение этого перерыва в деятельности «Свистка», как изменился мир и как в особенности изменилось лицо земли русской! На одной

272

стороне лица застыла тупая бессмысленная улыбка; другая сторона сморщилась в кислую гримасу; по всему лицу пробегают судорожные подергивания; один глаз неестественно блещет, из другого сочатся слезы²⁰. Матушка Россия! что с тобой? Да, много событий совершилось в мире в то время, когда «Свисток» не мог видеть и наблюдать их! Гарибальди, дразнивший капризную и изменчивую музу Якова Хама, получил достойное возмездие: великий Раттацци, преемник великого Кавура, подстрелил его²¹; и «Свисток» не воспел этого торжества закона над беззаконием! Скатилося с горизонта еще одно солнце — Оттон I²², ушедший во след за Франциском II; и «Свисток» не оплакал этого печального заката! Австрия, любимый предмет «Свистка», изменила своим преданиям и своему призванию и ринулась на опасный путь парламентов и палат; и

«Свисток» не покарал ее измены! Великие государственные люди Пруссии взяли на себя прежнюю великую задачу Австрии²³; и «Свисток» не ободрил их словом одобрения! Немало было и других событий на Западе, и ни на одно из них не мог отозваться «Свисток». А сколько совершилось достопримечательного в самом отечестве «Свистка»! сколько перемен, преобразований, улучшений! одно уничтожение откупов²⁴ достаточно было, чтобы видоизменить строй русской жизни. Литература обогатилась и разрослась, как лоза плодовая, растущая в привольном месте. Людей разделили на два отдела, на отцов и детей²⁵, которые не прикасаются друг к другу, как жида к самарянам. Изобретена особая порода людей, под названием нигилистов, вероятно имеющая сходство с зефиротами²⁶. «Петербургские ведомости» переселились в Москву; а «Московские» в Петербург²⁷. Совершилось затем много такого, о чем прискорбно и вспомнить и что, однако, совершается доселе.

Много воды утекло без «Свистка», многое она унесла с собою, но ничего не омыла и не очистила. То, что достойно свиста и освистания, осталось неизменным и продолжает обнаруживать себя явлениями, способными вызвать не только резкий свист, но и глухой болезненный стон, явлениями общими, универсальными, объемлющими все русское человечество, и явлениями частными, близко касающимися самого «Свистка». Поле «Свистка» по-прежнему очень обширно и предметов для свиста очень много; но это поле тернисто, но эти предметы не податливы. «Свисток» по-прежнему *fait ce que doit, advient ce pourra.**

Время, в которое «Свисток» снова выступает в свет, и чувства, волнующие его при свидании с читателем, отчасти выражаются в следующем стихотворении:

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО «СВИСТКА» К ЧИТАТЕЛЯМ

**В те дни, когда в литературе
Порядки новые пошли,²⁸
Когда с вопросом о цензуре
Давно стоим мы на мели,
Когда намеком да украдкой
Касаться дела мудрено;
Когда серьезною загадкой
Все занято, поглощено,
Взволновано, а в журналистах
Последний помрачает ум
Какой–то спор о нигилистах,
Глупейший и бесплодный шум;
Когда при помощи Пановских²⁹
Догадливый антрепренер
И вождь «Ведомостей Московских»,
Почуяв время и простор,**

273

**Катков, прославленный вития,
Один с Москвою речь ведет,
Что предпринять должна Россия³⁰,
И гимн безмолвию поет*;³¹
Когда в затмении рассудка
Юркевич лист бумаги мял
И о намереньях желудка
Публично лекцию читал;³²**

** Они собраний не имеют,
Они речей не говорят,
Они в невежестве коснеют,
Но духом высоко парят... и т. д.*

См. «Моск. ведом.» № 68. «Москва, 27 марта».

Когда наклонностей военных
Дух прививается ко всем³³,
Когда мы видим избивенных
Посредников;³⁴ когда совсем
Нейдут Краевского изданья³⁵
И над Громекиной главой
Летает бомба отрицанья,
Как повествует сей герой^{**};³⁶
Когда сыны обширной Руси
Вкусили волю наяву,
И всплакал Фет, что топчут гуси
В его владениях траву^{***};³⁷
Когда ругнул Иван Аксаков
Всех, кто в Европу укатил³⁸,
И, негодуя против фраков,
Духовных лиц не пощадил^{****};³⁹
Когда, покончив подвиг трудный,
Внезапно Павлов замолчал⁴⁰,
И Амплий Очкин кунштик чудный
С газетой «Очерки» удрал^{5*41},
Когда подкошена, как колос,
Она исчезла навсегда;
В те дни, когда явился «Голос»⁴²

** См. «Отеч. зап.», № 3, 1863 г., «Соврем. хрон. России», стр. 9.

*** См. «Русский вестник», 1863 г., № 1. «Из деревни».

**** Двести семьдесят пять тысяч

Русского дворянства
Проживают за границей
Из пустого чванства,
Восхищаются Парижем,
Тратят деньги на свободе;
Там и наше духовенство
Одевается по моде... и т. д.

(См. «День», «Из Парижа». Письмо в Редакцию.)

5* Обстоятельства ужасные
Вынуждают нас продать
Наши «Очерки» несчастные
Писаревскому... Читать
Будешь «Слово Современное»
Ты теперь, подписчик мой,
Верь, издание отменное,
И будь счастлив — бог с тобой!

И прекратилась «Ерунда»⁴³, —
Тогда в невинности сердечной,
Любимый некогда поэт,
Своей походкою беспечной
«Свисток» опять вступает в свет...
Как изменилось все, Создатель!
Как редок лиц любимых ряд!
Скажи: доволен ты, читатель?
Знакомцу старому ты рад?
Или изгладила «Заноза»⁴⁴
Все, чем «Свисток» тебя пленял,
И, как увянувшая роза
Он для тебя ненужен стал?
Меняет время человека:
Быть может пасмурный Катков,
Быть может пламенный Громека
Теперь милей тебе свистков?
Возненавидев нигилистов,
Конечно, полюбить ты мог
Сих благородных публицистов
Возвышенный и смелый слог,
Когда такое вероломство
Ты учинил — я не ропщу,
Но ради старого знакомства
Все ж говорить с тобой хочу.
«Узнай по крайней мере звуки,
Бывало милые тебе,
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе»^{6*45},
Ты был моей мечтой любимой,
И если слышал ты порой
Хоть легкий свист, то знай: незримой
Тогда витал я над тобой!..

^{6*} Стихи Пушкина.

* * *

Свисток пред публику выходит,
Высокомерья не любя,
Он робко взор кругом обводит
И никого вокруг себя

274

Себя смиренней не находит!^{*46}
Да, изменились времена!
Друг человечества бледнеет,
Вражда повсюду семена
Неистовства и злобы сеет,
Газеты чуждые шумят...⁴⁷
(О вы, исчадье вольной прессы!...)
Черт их поймет, чего хотят,
Чего волнуются, как бесы!
Средь напряженной тишины
Катков гремит с азартом, с чувством,
Он жаждет славы и войны^{**48}
И вовсе пренебрег искусством.
Оно унижено враждой,
В пренебрежении науки,
На брата брат подьемлет руки
И лезет мост на мост горой^{*** 49} —
Ужасный вид!.. В сей час тяжелый
Являясь в публику, «Свисток»
Желает мирной и веселой
Развязки бедствий и тревог;
Чтобы в сумятице великой

* Из Пушкина.

** Стих Лермонтова.

*** См. «Полицейские ведомости».

**Напрасно не томился ум...
И сбудется... Умолкнет шум
Вражды отчаянной и дикой.
Недружелюбный разговор
Покончит публицист московский,
И вновь начнут свой прежний спор
Гиероглифов и Стелловский;⁵⁰
Мир принесет искусствам дань,
Престанут радоваться бесы,
Уймется внутренняя брань
И смолкнет шум заморской прессы.
Да, да! Скорее умолкай,
Не достигай пределов невских,
И гимны братьев Достоевских
Самим себе не заглушай!⁵¹**